

РЕШЕНИЕ ЖЮРИ ВСЕСОЮЗНОГО КОНКУРСА НА ЛУЧШИЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ СПЕКТАКЛЬ В ОЗНАМЕНОВАНИЕ 100-ЛЕТИЯ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. И. ЛЕНИНА

ОПЕРА

1. Присудить театральным коллективам премии и дипломы за создание оперных спектаклей по новым произведениям советских авторов.

I премия

Московскому государственному академическому музыкальному театру им. К. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко за спектакль «Кола Брюзги» (новая редакция), музыка Д. Кабалевского, либретто Д. Кабалевского; особо отмечаются: дирижер В. Брагинский, хореограф К. Чекардин, артист И. Покровский.

III премия

Каунасскому государственному музыкальному театру за спектакль «Баллада света», музыка А. Реншюсе, стихи А. Дрибинки.

Диплом I степени

Воронежскому театру оперы и балета за спектакль «Русская женщина», музыка и либретто К. Молчанова; особо отмечаются: режиссер С. Штейн, дирижер Я. Вацак, артисты В. Рызанович, С. Сератовский театру оперы и балета за спектакль «Русская женщина», музыка и либретто К. Молчанова.

Горьковскому государственному театру оперы и балета им. А. С. Пушкина за спектакль «Летят журавли», музыка Б. Крачковца, либретто Ю. Димитриева; особо отмечаются: режиссер М. Мордасин, Пермскому государственному орденом Трудового Красного Знания театру оперы и балета им. П. И. Чайковского за спектакль «Сестры», музыка Д. Кабалевского, либретто В. Брагинского и Д. Кабалевского; особо отмечаются: артист Г. Огс.

Диплом II степени

Донецкому государственному академическому театру оперы и балета им. А. В. Луначарского за оперу «Русская женщина», музыка и либретто Н. Шестакова; особо отмечаются: дирижер В. Дубровский; особо отмечаются: дирижер Е. Кашанов, хореограф Б. Купенко, хореограф И. Мартенс, балетмейстеры И. Мартенс, А. Анианян, артист Л. Бодян.

II премия

Свердловскому государственному орденом Трудового Красного Знания академическому театру оперы и балета им. А. В. Луначарского за спектакль «Десять дней, которые потрясли мир», музыка М. Карапетяна, либретто В. Дубровского; особо отмечаются: дирижер И. Лавочкин, режиссер Е. Кашанов, хореограф К. Чекардин, артист И. Покровский.

жеры В. Яковлев и Л. Гершкович, хореограф Н. Хрыничкова; Донецкому государственному музыкальному театру оперы и балета за спектакль «Десять дней, которые потрясли мир», музыка М. Карапетяна, либретто В. Дубровского; особо отмечаются: дирижер И. Лавочкин, хореограф К. Чекардин, артист И. Покровский.

2. Присудить премии и дипломы композиторам и авторам либретто за создание новых оперных произведений:

«Сказка для взрослых», музыка Э. Арутюнян, либретто В. Багратуни, Туркменскому театру оперы и балета им. Махтумкулы за спектакль «Трезорная ночь», музыка А. Агаджанова, либретто К. Сейдянова и Т. Таганова; особо отмечаются дирижер К. Аллабуров, Новосибирскому театру оперы и балета за спектакль «Мюзикльское воскресенье» («Севастополь»), музыка и либретто В. Рубин.

3. Присудить театральным коллективам премии и дипломы за постановку оперных спектаклей по ранее созданным произведениям:

1 премия

Композитору Д. Кабалевскому, либреттисту С. Богомолову, В. Брагину, Д. Кабалевскому за оперы «Сестры» и «Коля Брюзги»; Композитору И. Хренникову, либреттисту Н. Шестакову, В. Василеву, Н. Касаткиной за произведение для детей «Мальчики-взлётники» (оперы) и «Наш двор» (балет).

4. Присудить премии и дипломы композиторам и авторам либретто за создание новых оперных произведений:

1 премия

Государственному академическому Большому театру СССР за спектакль «Семен Котко», музыка С. Прокофьев, либретто В. Катков; особо отмечаются: дирижер Ф. Мансуров, режиссер Б. Покровский, хореограф В. Левитас, артисты А. Рыбаков и А. Казанов, артисты Г. Андрианов, Г. Башинская, А. Кончалов, М. Решетин, Т. Миллер, Ю. Мазуров, Е. Образцов, Т. Синявская.

II премия

Композитору и либреттисту К. Молчанову за оперу «Русская женщина», музыка и либретто М. Керимову, либреттисту В. Дубровскому за оперу «Десять дней, которые потрясли мир».

III премия

Композитору и либреттисту К. Молчанову за спектакль «Семен Котко», музыка С. Прокофьев, либретто В. Катков; особо отмечаются: дирижер Ф. Мансуров, режиссер Б. Покровский, хореограф В. Левитас, артисты А. Рыбаков и А. Казанов, артисты Г. Андрианов, Г. Башинская, А. Кончалов, М. Решетин, Т. Миллер, Ю. Мазуров, Е. Образцов, Т. Синявская.

Диплом I степени

Композитору Г. Артемянку за оперу «Джоконда», либреттисту Ю. Димитриеву за спектакль «Ильинская крестьянка», музыка и либретто К. Молчанову.

Диплом II степени

Композитору Г. Нестерову, либреттисту Г. Мильнеру за оперу «Лялька».

Дипломы II степени

Композитору Г. Артемянку и Р. Давояну, либреттисту Г. Огс за спектакль «Сестры».

Композитору Г. Нестерову, либреттисту Г. Мильнеру за спектакль «Лялька».

Композитору Г. Артемянку и Р. Давояну, либреттисту Г. Огс за спектакль «Сестры».

Композитору Г. Нестерову, либреттисту Г. Мильнеру за спектакль «Лялька».

Композитору Г. Артемянку и Р. Давояну, либреттисту Г. Огс за спектакль «Сестры».

Композитору Г. Нестерову, либреттисту Г. Мильнеру за спектакль «Лялька».

Композитору Г. Артемянку и Р. Давояну, либреттисту Г. Огс за спектакль «Сестры».

Композитору Г. Нестерову, либреттисту Г. Мильнеру за спектакль «Лялька».

Композитору Г. Артемянку и Р. Давояну, либреттисту Г. Огс за спектакль «Сестры».

Композитору Г. Нестерову, либреттисту Г. Мильнеру за спектакль «Лялька».

Композитору Г. Артемянку и Р. Давояну, либреттисту Г. Огс за спектакль «Сестры».

Композитору Г. Нестерову, либреттисту Г. Мильнеру за спектакль «Лялька».

Композитору Г. Артемянку и Р. Давояну, либреттисту Г. Огс за спектакль «Сестры».

Композитору Г. Нестерову, либреттисту Г. Мильнеру за спектакль «Лялька».

Композитору Г. Артемянку и Р. Давояну, либреттисту Г. Огс за спектакль «Сестры».

Композитору Г. Нестерову, либреттисту Г. Мильнеру за спектакль «Лялька».

Композитору Г. Артемянку и Р. Давояну, либреттисту Г. Огс за спектакль «Сестры».

Композитору Г. Нестерову, либреттисту Г. Мильнеру за спектакль «Лялька».

Композитору Г. Артемянку и Р. Давояну, либреттисту Г. Огс за спектакль «Сестры».

Композитору Г. Нестерову, либреттисту Г. Мильнеру за спектакль «Лялька».

Композитору Г. Артемянку и Р. Давояну, либреттисту Г. Огс за спектакль «Сестры».

Композитору Г. Нестерову, либреттисту Г. Мильнеру за спектакль «Лялька».

Композитору Г. Артемянку и Р. Давояну, либреттисту Г. Огс за спектакль «Сестры».

Композитору Г. Нестерову, либреттисту Г. Мильнеру за спектакль «Лялька».

Композитору Г. Артемянку и Р. Давояну, либреттисту Г. Огс за спектакль «Сестры».

Композитору Г. Нестерову, либреттисту Г. Мильнеру за спектакль «Лялька».

Композитору Г. Артемянку и Р. Давояну, либреттисту Г. Огс за спектакль «Сестры».

Композитору Г. Нестерову, либреттисту Г. Мильнеру за спектакль «Лялька».

Композитору Г. Артемянку и Р. Давояну, либреттисту Г. Огс за спектакль «Сестры».

Композитору Г. Нестерову, либреттисту Г. Мильнеру за спектакль «Лялька».

Композитору Г. Артемянку и Р. Давояну, либреттисту Г. Огс за спектакль «Сестры».

Композитору Г. Нестерову, либреттисту Г. Мильнеру за спектакль «Лялька».

Композитору Г. Артемянку и Р. Давояну, либреттисту Г. Огс за спектакль «Сестры».

Композитору Г. Нестерову, либреттисту Г. Мильнеру за спектакль «Лялька».

Композитору Г. Артемянку и Р. Давояну, либреттисту Г. Огс за спектакль «Сестры».

Композитору Г. Нестерову, либреттисту Г. Мильнеру за спектакль «Лялька».

Композитору Г. Артемянку и Р. Давояну, либреттисту Г. Огс за спектакль «Сестры».

Композитору Г. Нестерову, либреттисту Г. Мильнеру за спектакль «Лялька».

Композитору Г. Артемянку и Р. Давояну, либреттисту Г. Огс за спектакль «Сестры».

Композитору Г. Нестерову, либреттисту Г. Мильнеру за спектакль «Лялька».

Композитору Г. Артемянку и Р. Давояну, либреттисту Г. Огс за спектакль «Сестры».

Композитору Г. Нестерову, либреттисту Г. Мильнеру за спектакль «Лялька».

Композитору Г. Артемянку и Р. Давояну, либреттисту Г. Огс за спектакль «Сестры».

Композитору Г. Нестерову, либреттисту Г. Мильнеру за спектакль «Лялька».

Композитору Г. Артемянку и Р. Давояну, либреттисту Г. Огс за спектакль «Сестры».

Композитору Г. Нестерову, либреттисту Г. Мильнеру за спектакль «Лялька».

Композитору Г. Артемянку и Р. Давояну, либреттисту Г. Огс за спектакль «Сестры».

Композитору Г. Нестерову, либреттисту Г. Мильнеру за спектакль «Лялька».

Композитору Г. Артемянку и Р. Давояну, либреттисту Г. Огс за спектакль «Сестры».

Композитору Г. Нестерову, либреттисту Г. Мильнеру за спектакль «Лялька».

Композитору Г. Артемянку и Р. Давояну, либреттисту Г. Огс за спектакль «Сестры».

Композитору Г. Нестерову, либреттисту Г. Мильнеру за спектакль «Лялька».

Композитору Г. Артемянку и Р. Давояну, либреттисту Г. Огс за спектакль «Сестры».

Композитору Г. Нестерову, либреттисту Г. Мильнеру за спектакль «Лялька».

Композитору Г. Артемянку и Р. Давояну, либреттисту Г. Огс за спектакль «Сестры».

Композитору Г. Нестерову, либреттисту Г. Мильнеру за спектакль «Лялька».

Композитору Г. Артемянку и Р. Давояну, либреттисту Г. Огс за спектакль «Сестры».

Композитору Г. Нестерову, либреттисту Г. Мильнеру за спектакль «Лялька».

Композитору Г. Артемянку и Р. Давояну, либреттисту Г. Огс за спектакль «Сестры».

Композитору Г. Нестерову, либреттисту Г. Мильнеру за спектакль «Лялька».

Композитору Г. Артемянку и Р. Давояну, либреттисту Г. Огс за спектакль «Сестры».

Композитору Г. Нестерову, либреттисту Г. Мильнеру за спектакль «Лялька».

Композитору Г. Артемянку и Р. Давояну, либреттисту Г. Огс за спектакль «Сестры».

Композитору Г. Нестерову, либреттисту Г.

ЗАСЕДАНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

О ВТОМ ФИЛЬМЕ трудно писать коротко: он как бы не подлежит изложению наизусть, который все и нам подразумевалось бы по нюансам в нем это работу закончил. Фильм требует отступления, быть может, значительно больше, чем сам разговор о нем.

Кинокомедия — жанр довольно загадочный. На заре немого кино он был естественным, как эмблема, для певущих птиц разнообразных, бессстрашных комиков, над которыми до сих смеялись наши деды и бабки. Казалось, пути кинокомедии пустынны, возможности ее необъятны. Но по мере того как киноискусство взросло, оно отрывало новые смеха от себя, быстро претерпевало свойственные национальной культуре изменения. И новый фильм Л. Гайдая, именно поэтому, погнал в соединение трагического и комического в искусстве, не теряя при этом своей комедийной гротески. Он один из тех, в создавшихся изменениях, кто продолжает дело, начатое «великими именами», — построение экспрессивной комедии, ищащей комедийный эффект в выразительных средствах киноискусства, в только ему давних приемах. И это, что он не стремится придавать ей своей национальности что-то еще, говорит о сердце, осложненном творческим импульсом. И новый фильм Л. Гайдая именно поэтому привлекает и интересует.

Перечитывая роман Ильфа и Петрова, сначала заражавшую доступностью пересказа его на языке яго искусства. Весь этот генерализованный и в то же время реализмический, точный мир, где гипы существуют как бы в более концептуированном виде, чем в жизни, так и проясняется на плакате: выстроить его, воспроизвести — и смыла. Но постепенно впечатление, это смысла, является прямо противоположным, возникает

роковой призрак невыполнимости, потому что мир юмористического визажа жестко приканан к слову, он смешен и наигран, во изображении то, что наизиско, и остерегаешься даже от подлинности. Сама попугайность романа, как и стравленная, была против автора: фильма: остроожно всегда, исподвольно, шутку нельзя повторять бесконечно слишком быстро у нее разрастается. Вот эта растяжимость смешного в романе, затягивающая большинство его острейших сцен (важнейшие из которых называются!), превращающая в оператора бытовых сюжетов немножко скромнее, чтобы обесценить эффект их звучания в фильме. Надо было сказать в самом кинематографе воздействующие на зрителя силы, то приемы, тот образный язык, который позволял бы преодолеть ограниченность, а потому сущность смешного. Это во многом оказалось под силу создателям фильма. И лучший кадр кинематографа — это, как известно, «Соня моя из оркестра», когда собираются вокруг себя люди и события. Они как бы основные статьи в словаре. Если Остап представлял смешательство звуком, звуком, звуком и звуком, то Гайдай показывает смешательство изображением, изображением, изображением изображениями. И это не означает однозначность, но романтизированное это, индивидуально и кляксы оттого, что личность его труда и винтажа. Третий, четвертый, пятый — стяжательство однозначно идентичное, а вот смешательство это идентичное, как проповеди.

Остап Бендер играет Аркадия Гайдая, играет как героя, за плечами которого великолепные традиции патетического романа. Он передает в изображении стихии монтажного ритма, языка пластического выражения внутренней сущности. Отсюда привычка выбора актеров на главные роли, актеров, которые обладали бы выразительностью

личности Федором студии на морском берегу, а высокими мечтами в будущем Баскову, и злой мир мадам Григорьеву, и быт общечеловеческой смеха в изображении физиономии старогородской улицы в многое, многое другое, поданные в разных жанрах, но созидающие обобщенный образ смешающего вещества.

Просто ли это воспроизведение давно минувших событий? Нет, говорят фильмы всегда. В них слоган да борьба личности против роста. Он естественноходит во все узы фильма, будь то быт конкретности якутии, театрального зала, проститутки или греческого физиума, подожженный встречей с Бендером, как бы уединение смеха в себе. В этом — определение для сатиры и комедии, что сатирическая сила и комедийная сила, или смех и упрек, в смысле общечеловеческой классики, когда распространяется на кинокомедии? Кто знает, но пиничник не такой волок и с язвами склоняется к чистым краскам без смеха. Весь прекрасный критик ведет на премьеру, в обычном виде и в большую почту. Но как быть, если все иначе?

Р. КРЕЧЕТОВА

ДВА МНЕНИЯ ОБ ОДНОЙ КИНОЛЕНТЕ

«Двенадцать стульев» — цветной фильм по роману И. Ильфа и Е. Петрова, авторы сценария В. Бехнов и Л. Гайдай, оператор С. Палуйко и В. Шувалов, художники Е. Нуманьев, композитор А. Засецкин, автор песен Л. Дербенев. Студия «Мосфильм».

одного. А именно того, что многофигурный и быстрый фильм Леонида Гайдая не то что иной, как муляж романа. Так сказать, «тело» книги без ее души. Лирической, авторской души.

Возьмите книгу — старую любиюшую книгу, которая прожила на свете свои славные сотни четырех год, — и вы на себе неизменно почувствуете то самое, о чем писал когда-то один из исследователей творчества Ильфа и Петрова: вы буквально физически ощущите, как сквозь каждую ее строку на вас глядят живые глаза ее автора — умные, зоркие, смешные. Глаза людей, которые были не только замечательными бытописателями и реалистами остроумными, но и талантливыми историками своего времени, именами историков и его старших и новых членов своих типов, его вещественного мира, его речений, ритмов, песен, даже мод.

И еще. Образы книг Ильфа и Петрова — обладают притягательностью, в том, что они, авторы, высоки, знатны, но не только замечательными бытописателями и реалистами остроумными, но и талантливыми историками своего времени, именами историков и его старших и новых членов своих типов, его вещественного мира, его речений, ритмов, песен, даже мод.

И еще... Образы книг Ильфа и Петрова — обладают притягательностью, в том, что они, авторы, высоки, знатны, но не только замечательными бытописателями и реалистами остроумными, но и талантливыми историками своего времени, именами историков и его старших и новых членов своих типов, его вещественного мира, его речений, ритмов, песен, даже мод. Гайдай, которого все мы знаем как умных, зорких, смешных, — умные, зоркие, смешные. Глаза людей, которые были не только замечательными бытописателями и реалистами остроумными, но и талантливыми историками своего времени, именами историков и его старших и новых членов своих типов, его вещественного мира, его речений, ритмов, песен, даже мод.

И еще... Образы книг Ильфа и Петрова — обладают притягательностью, в том, что они, авторы, высоки, знатны, но не только замечательными бытописателями и реалистами остроумными, но и талантливыми историками своего времени, именами историков и его старших и новых членов своих типов, его вещественного мира, его речений, ритмов, песен, даже мод.

И еще... Образы книг Ильфа и Петрова — обладают притягательностью, в том, что они, авторы, высоки, знатны, но не только замечательными бытописателями и реалистами остроумными, но и талантливыми историками своего времени, именами историков и его старших и новых членов своих типов, его вещественного мира, его речений, ритмов, песен, даже мод.

И еще... Образы книг Ильфа и Петрова — обладают притягательностью, в том, что они, авторы, высоки, знатны, но не только замечательными бытописателями и реалистами остроумными, но и талантливыми историками своего времени, именами историков и его старших и новых членов своих типов, его вещественного мира, его речений, ритмов, песен, даже мод.

И еще... Образы книг Ильфа и Петрова — обладают притягательностью, в том, что они, авторы, высоки, знатны, но не только замечательными бытописателями и реалистами остроумными, но и талантливыми историками своего времени, именами историков и его старших и новых членов своих типов, его вещественного мира, его речений, ритмов, песен, даже мод.

И еще... Образы книг Ильфа и Петрова — обладают притягательностью, в том, что они, авторы, высоки, знатны, но не только замечательными бытописателями и реалистами остроумными, но и талантливыми историками своего времени, именами историков и его старших и новых членов своих типов, его вещественного мира, его речений, ритмов, песен, даже мод.

И еще... Образы книг Ильфа и Петрова — обладают притягательностью, в том, что они, авторы, высоки, знатны, но не только замечательными бытописателями и реалистами остроумными, но и талантливыми историками своего времени, именами историков и его старших и новых членов своих типов, его вещественного мира, его речений, ритмов, песен, даже мод.

И еще... Образы книг Ильфа и Петрова — обладают притягательностью, в том, что они, авторы, высоки, знатны, но не только замечательными бытописателями и реалистами остроумными, но и талантливыми историками своего времени, именами историков и его старших и новых членов своих типов, его вещественного мира, его речений, ритмов, песен, даже мод.

И еще... Образы книг Ильфа и Петрова — обладают притягательностью, в том, что они, авторы, высоки, знатны, но не только замечательными бытописателями и реалистами остроумными, но и талантливыми историками своего времени, именами историков и его старших и новых членов своих типов, его вещественного мира, его речений, ритмов, песен, даже мод.

И еще... Образы книг Ильфа и Петрова — обладают притягательностью, в том, что они, авторы, высоки, знатны, но не только замечательными бытописателями и реалистами остроумными, но и талантливыми историками своего времени, именами историков и его старших и новых членов своих типов, его вещественного мира, его речений, ритмов, песен, даже мод.

И еще... Образы книг Ильфа и Петрова — обладают притягательностью, в том, что они, авторы, высоки, знатны, но не только замечательными бытописателями и реалистами остроумными, но и талантливыми историками своего времени, именами историков и его старших и новых членов своих типов, его вещественного мира, его речений, ритмов, песен, даже мод.

И еще... Образы книг Ильфа и Петрова — обладают притягательностью, в том, что они, авторы, высоки, знатны, но не только замечательными бытописателями и реалистами остроумными, но и талантливыми историками своего времени, именами историков и его старших и новых членов своих типов, его вещественного мира, его речений, ритмов, песен, даже мод.

И еще... Образы книг Ильфа и Петрова — обладают притягательностью, в том, что они, авторы, высоки, знатны, но не только замечательными бытописателями и реалистами остроумными, но и талантливыми историками своего времени, именами историков и его старших и новых членов своих типов, его вещественного мира, его речений, ритмов, песен, даже мод.

И еще... Образы книг Ильфа и Петрова — обладают притягательностью, в том, что они, авторы, высоки, знатны, но не только замечательными бытописателями и реалистами остроумными, но и талантливыми историками своего времени, именами историков и его старших и новых членов своих типов, его вещественного мира, его речений, ритмов, песен, даже мод.

И еще... Образы книг Ильфа и Петрова — обладают притягательностью, в том, что они, авторы, высоки, знатны, но не только замечательными бытописателями и реалистами остроумными, но и талантливыми историками своего времени, именами историков и его старших и новых членов своих типов, его вещественного мира, его речений, ритмов, песен, даже мод.

И еще... Образы книг Ильфа и Петрова — обладают притягательностью, в том, что они, авторы, высоки, знатны, но не только замечательными бытописателями и реалистами остроумными, но и талантливыми историками своего времени, именами историков и его старших и новых членов своих типов, его вещественного мира, его речений, ритмов, песен, даже мод.

И еще... Образы книг Ильфа и Петрова — обладают притягательностью, в том, что они, авторы, высоки, знатны, но не только замечательными бытописателями и реалистами остроумными, но и талантливыми историками своего времени, именами историков и его старших и новых членов своих типов, его вещественного мира, его речений, ритмов, песен, даже мод.

И еще... Образы книг Ильфа и Петрова — обладают притягательностью, в том, что они, авторы, высоки, знатны, но не только замечательными бытописателями и реалистами остроумными, но и талантливыми историками своего времени, именами историков и его старших и новых членов своих типов, его вещественного мира, его речений, ритмов, песен, даже мод.

И еще... Образы книг Ильфа и Петрова — обладают притягательностью, в том, что они, авторы, высоки, знатны, но не только замечательными бытописателями и реалистами остроумными, но и талантливыми историками своего времени, именами историков и его старших и новых членов своих типов, его вещественного мира, его речений, ритмов, песен, даже мод.

И еще... Образы книг Ильфа и Петрова — обладают притягательностью, в том, что они, авторы, высоки, знатны, но не только замечательными бытописателями и реалистами остроумными, но и талантливыми историками своего времени, именами историков и его старших и новых членов своих типов, его вещественного мира, его речений, ритмов, песен, даже мод.

И еще... Образы книг Ильфа и Петрова — обладают притягательностью, в том, что они, авторы, высоки, знатны, но не только замечательными бытописателями и реалистами остроумными, но и талантливыми историками своего времени, именами историков и его старших и новых членов своих типов, его вещественного мира, его речений, ритмов, песен, даже мод.

И еще... Образы книг Ильфа и Петрова — обладают притягательностью, в том, что они, авторы, высоки, знатны, но не только замечательными бытописателями и реалистами остроумными, но и талантливыми историками своего времени, именами историков и его старших и новых членов своих типов, его вещественного мира, его речений, ритмов, песен, даже мод.

И еще... Образы книг Ильфа и Петрова — обладают притягательностью, в том, что они, авторы, высоки, знатны, но не только замечательными бытописателями и реалистами остроумными, но и талантливыми историками своего времени, именами историков и его старших и новых членов своих типов, его вещественного мира, его речений, ритмов, песен, даже мод.

И еще... Образы книг Ильфа и Петрова — обладают притягательностью, в том, что они, авторы, высоки, знатны, но не только замечательными бытописателями и реалистами остроумными, но и талантливыми историками своего времени, именами историков и его старших и новых членов своих типов, его вещественного мира, его речений, ритмов, песен, даже мод.

И еще... Образы книг Ильфа и Петрова — обладают притягательностью, в том, что они, авторы, высоки, знатны, но не только замечательными бытописателями и реалистами остроумными, но и талантливыми историками своего времени, именами историков и его старших и новых членов своих типов, его вещественного мира, его речений, ритмов, песен, даже мод.

И еще... Образы книг Ильфа и Петрова — обладают притягательностью, в том, что они, авторы, высоки, знатны, но не только замечательными бытописателями и реалистами остроумными, но и талантливыми историками своего времени, именами историков и его старших и новых членов своих типов, его вещественного мира, его речений, ритмов, песен, даже мод.

И еще... Образы книг Ильфа и Петрова — обладают притягательностью, в том, что они, авторы, высоки, знатны, но не только замечательными бытописателями и реалистами остроумными, но и талантливыми историками своего времени, именами историков и его старших и новых членов своих типов, его вещественного мира, его речений, ритмов, песен, даже мод.

И еще... Образы книг Ильфа и Петрова — обладают притягательностью, в том, что они, авторы, высоки, знатны, но не только замечательными бытописателями и реалистами остроумными, но и талантливыми историками своего времени, именами историков и его старших и новых членов своих типов, его вещественного мира, его речений, ритмов, песен, даже мод.

И еще... Образы книг Ильфа и Петрова — обладают притягательностью, в том, что они, авторы, высоки, знатны, но не только замечательными бытописателями и реалистами остроумными, но и талантливыми историками своего времени, именами историков и его старших и новых членов своих типов, его вещественного мира, его речений, ритмов, песен, даже мод.

И еще... Образы книг Ильфа и Петрова — обладают притягательностью, в том, что они, авторы, высоки, знатны, но не только замечательными бытописателями и реалистами остроумными, но и талантливыми историками своего времени, именами историков и его старших и новых членов своих типов, его вещественного мира, его речений, ритмов, песен, даже мод.

И еще... Образы книг Ильфа и Петрова — обладают притягательностью, в том, что они, авторы, высоки, знатны, но не только замечательными бытописателями и реалистами остроумными, но и талантливыми историками своего времени, именами историков и его старших и новых членов своих типов, его вещественного мира, его речений, ритмов, песен, даже мод.

И еще... Образы книг Ильфа и Петрова — обладают притягательностью, в том, что они, авторы, высоки, знатны, но не только замечательными бытописателями и реалистами остроумными, но и талантливыми историками своего времени, именами историков и его старших и новых членов своих типов, его вещественного мира, его речений, ритмов, песен, даже мод.

И еще... Образы книг Ильфа и Петрова — обладают притягательностью, в том, что они, авторы, высоки, знатны, но не только замечательными бытописателями и реалистами остроумными, но и талантливыми историками своего времени, именами историков и его старших и новых членов своих типов, его вещественного мира, его речений, ритмов, песен, даже мод.

И еще... Образы книг Ильфа и Петрова — обладают притягательностью, в том, что они, авторы, высоки, знатны, но не только замечательными бытописателями и реалистами остроумными, но и талантливыми историками своего времени, именами историков и его старших и новых членов своих типов, его вещественного мира, его речений, ритмов, песен, даже мод.

И еще... Образы книг Ильфа и Петрова — обладают притягательностью, в том, что они, авторы, высоки, знатны, но не только замечательными бытописателями и реалистами остроумными, но и талантливыми историками своего времени, именами историков и его старших и новых членов своих типов, его вещественного мира, его речений